

ГОД ИЗДАНИЯ XII
№ 7 (510)ВОСКРЕСЕНЬЕ
19 ФЕВРАЛЯ 1956ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

XX съезд КПСС

14 февраля, в Москве открылся XX съезд КПСС. Безудержный в своем словоизлиянии, Хрущев превзошел самого себя: отчетный доклад ЦК КПСС, с которым он выступил, длился семь часов!

Среди прочих обещаний, на которые так щедры обанкротившиеся коммунистические лидеры, Хрущев заявил, что в стране в шестой пятилетке будет введен семичасовой рабочий день. Нелишне напомнить, что то же самое коммунистическая партия и советское правительство в специальном манифесте провозгласили для первой пятилетки — в 1927 году, в десятую годовщину празднования Октября. За истекшие 29 лет страна, как известно, была превращена в сплошную каторгу.

Хрущев, играя на ноте «сосуществования» и страшая развивающихся в стране революционных настроений, заявил, что отныне путь революции заказан и что в западных странах коммунизм будет бороться за свою победу эволюционным, парламентским путем.

На XX съезде не присутствует делегация Союза коммунистов в Югославии.

Подробные материалы о XX съезде будут напечатаны в следующем номере «Посева».

Хрущевщина в литературе

Назад, к «производственному роману»!

Литературные завсегдатаи партийных передних, учуяв вкусы новоявленного «ценителя искусства» Хрущева, подняли накануне XX съезда КПСС гвалт на страницах «Литературной газеты» по поводу «героя нашей эпохи».

Почти весь номер этой газеты от 11 февраля заполнили своими статьями литературные посредственности, парторотодоксы к приспособленцы типа В. Кочетова, Н. Грибачева, В. Озерова, С. Герасимова, А. Суркова...

Тема всех этих писаний одна: довольно «оттепелей», «безыдейной» лирики, самокопания, «тех самых муравьев, которые хотят жить и творить под индивидуальным липовым листком» (Н. Грибачев).

Небезызвестный лауреат сталинской премии В. Кочетов в подвальной статье «Долг и его оплата» прямо ратует за возвращение к «производственному роману». «Был выдуман в свое время — возмущается В. Кочетов, — термин: «производственный роман». Этим термином клеймили каждое, даже хорошее, произведение о людях, производящих материальные ценности. Конечно, было смешно и глупо, когда муж — начальник цеха и жена — конструктор о каких-нибудь подшиппниках, контрагях и швеллерах рассуждали, лежа в постели». Но Грибачев считает, что «с водой выплеснули и ребенка, у которого были все данные, чтобы расти, развиваться, обретать ум, опыт и наращивать мускулатуру».

Грибачев скорбит по поводу того, что «немалое число из нас напрасно отступило от облюбленных тем, связанных с показом человека труда, собственно говоря, генеральных, главных тем нашей современности». Весьма симптоматично его заявление, «что наше время... — время больших идеологических сражений (подчеркнуто ред.), когда каждый боец должен стрелять по противнику без досадных рикошетов, стрелять без

промаха и не жечь порох попусту». «Рикошетом» В. Кочетов называет то, что роковым центром для литераторов стал... загс, «возле которого центробежно или центростремительно вращаются герои немалого числа произведений последних лет». Романы «загсовские», «новотреугольные», сентиментальные, мещанские — по мнению В. Кочетова — никакой повышенной художественности не принесли, «зато идейная сторона некоторых книг явно пострадала». В. Кочетов обвиняет авторов этих романов в слабости идейных поджилок».

Особенно гнусна по своему приспособленчеству статья Н. Грибачева «Когда идут в гору». Ханжески он заявляет, что все советские люди понимают, что общее, коллективное — это в то же время личное, но «как это ни странно, лишь в нашей литературной среде было полным-полно всяческих шатаний в толковании этого единства». Он горько сетует на то, что литераторы просто наплевали на указания ЦК КПСС, выраженные в форме приветствия ЦК второму съезду советских писателей. «После съезда писателей, — возмущается он, — прошло больше года — но за все это время глубоко и всесторонне был обсужден в порядке дискуссии лишь один вопрос — хорош или плох в рифме ассонанс?» Юля перед партийным сонмом, Н. Грибачев заявил от имени литераторов, не имея на это ни малейшего права, что «в канун съезда партии мы снова (разбивка наша. Ред.) даем обещание партии выправить положение и создать произведения, достойные наших современников и нашего времени».

В. Озеров в статье «Люди боевого авангарда» ожесточенно нападает на «пьесы, в которых критика партийной и государственной работы носила нигилистический (подчеркнуто ред.) характер. Он злобно нападает на критика Наира Зарьяна, который предлагает «причину отставания в той или иной области нашей жизни... искать прежде всего в главном — в слабости руководства, в отсталости иных ответственных работников. В. Озеров в ужасе от того, что Наир Зарьян «недостаток повести Г. Николаевой усмотрел в нежелании разоблачать областных и районных руководителей». «Что плохого, — деланно вопрошает В. Озеров, — если писатель представляет руководящих деятелей как преданных и сильных людей?»

В том же номере «Литературной газеты» сообщается, что накануне XX съезда КПСС секретариат Союза писателей обсуждал проблемы советской драматургии и в том же, конечно, плане. «Надо глубоко разобраться в том — заявил, в частности, А. Сурков, — почему при такой богатой событиями жизни советского народа драматурги не разрабатывают в своих произведениях главнейших

тем нашей действительности или, прикасясь к ним, терпят иной раз творческие неудачи, как это случилось недавно с Н. Погодиным («Мы втроем поехали на целину»).

Едва ли, однако, удастся партийному руководству окрутить литературу новым вариантом ждановщины — хрущевщины. Времена не те!

ШКОЛЬНИКИ ИЩУТ ОТВЕТЫ
„ГДЕ-ТО НА СТОРОНЕ“

К бунтующей, своевольной, непокорной молодежи ЦК КПСС спешит приставить надежных надзирателей. Кажется, центр наблюдения за политической благонадежностью молодежи переносится теперь в школу. Ведь дети в школе проводят добрую часть своего времени и они там более, чем где-либо, на виду. Поэтому производится особый подбор учителей и по особому признаку. Учителям-надзирателям поручено даже наблюдение за школьными комсомольскими организациями. Обо всем этом мы узнаем из корреспонденции С. Большаковой, напечатанной в «Комсомольской правде» от 9 января с. г.

«Как-то в 8 классе «Г» не успели Лера Коваленко и Валия Мажухина выйти к столу — их избрали в президиум собрания, — учительница тут же распорядилась: председателем будет Мажухина. Сидя на первой парте, учительница все время тихонько подсказывала Вале, что надо говорить».

В соседнем 8 классе «В» учительница даже отменила комсомольское собрание, решив, что оно «прошло плохо» и решила повторить его еще раз. Но на «втором» комсомольском собрании, вопреки настояниям учительницы-следователя «никто не захотел рассказать о своей дружбе: одни молчали, другие нехотя, односложно отвечали учительнице на вопрос, хорошо они дружат или плохо». Ларчик, оказывается, открывается просто: школьные комсомолы предпочитают говорить о дружбе где-то в другом месте. «Учителя должно тревожить, — почти в панике вещает «Комсомольская правда», — что порой не тут, в своем комсомольском кругу, а где-то на стороне ребята ищут ответы на свои вопросы».

Из дальнейшего выясняется, что хотя во всех классах бывают политинформации, но они ненавистны школьникам. «В том же 8 классе «Г» в час политинформации одна из девочек наскоро прочитала по тетрадке несколько сообщений, выписанных из газет. Важные события и совсем незначительные были рядом, и упоминались они без какого бы то ни было осмысления. Когда докладчица села на место, ни у кого не оказа-

лось вопросов, добавлений. Было очень скучно. И тогда, чтобы как-то занять себя, разжечь их интерес, кто-то развернул газету и стал вслух читать: «Были ли на самом деле Тарзан и Маугли?» И сразу заблестели глаза у Виктора Леонова, притих Юра Киселев, боясь пропустить слово, поудобнее уселся Борис Ионкин. Как жили люди, выращенные зверями в далеких джунглях, подчинялись их суровым законам? Это интересно».

«Но каждый ли интерес и каждое ли любопытство надо удовлетворять? — ханжески и наставительно замечает «Комсомольская правда». — Всем известно, что одни интересы помогают воспитывать человека хорошим, а другие его портят, словно разрушают его характер... Комсомолы этого не понимают, но старший (т. е. учитель-надзиратель. Ред.), который всегда видит дальше, обязан им разъяснить».

В корреспонденции С. Большаковой почти открыто выражается тревога по поводу того, что вся официальная мудрость партии отскакивает от молодежи, как горох от стены, и она настаивает на том, чтобы воспитание шло вглубь, т. е. чтобы маленькие и большие шпионы проникали в душу молодежи. Она говорит о воспитании внутренней дисциплины и указывает, что «здесь важно ценить каждую секунду».

«Комсомольская правда», верная своему, некоторое время тому назад взятому, топу, подыгрывает к молодежи и даже говорит о том, что понятие «самостоятельность» «как-то позатерлось, до того часто оно появляется во всех отчетах, во всех докладах» и предлагает предоставить молодежи больше самостоятельности.

Но какая уж тут самостоятельность, когда учителю вменена в обязанность роль откровенного цербера! Самостоятельность, как это видно из многих фактов и в частности из корреспонденции С. Большаковой, школьники предпочитают проявлять где-то на стороне — там, где они могут в небольших группах поговорить о дружбе совсем иного свойства, чем требуется учителями-шпионами...

ПОДПИШИТЕ ПЕТИЦИЮ!

С этим номером «Посева» рассылаются экземпляры петиции к Генеральному секретарю ООН с просьбой о вмешательстве ООН в дело Янины Хохловой и о защите жертвы коммунистического произвола.

Редакция просит вас взять на себя инициативу сбора подписей под петицией среди эмигрантов всех национальностей и иностранцев, сочувствующих борьбе против коммунистического беззакония и террора.

Петиции с подписями следует направлять по адресу, указанному на них (наверху, в левом углу).

После того, как петиция отправлена по адресу, просьба послать в «Посев» письмо или открытку с указанием: со сколькими подписями петиция пошла в ООН.

POSSEV

Russische Wochenzeitung
Russian anticommunist weekly
Hebdomadaire anticommuniste russe

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

ADRESSE DER REDAKTION:
Possev-Verlag, Frankfurt am Main,
Merianstrasse 24 a, Deutschland